

Круглый стол
«Роль независимых экспертных центров
и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии»

Расширенное заседание Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра и
Международного клуба «Триалог»

04.10.14

Елена Черненко: Добрый день! Позвольте приступить к круглому столу, тема которого звучит: "Роль независимых экспертных центров и СМИ в российской внешнеполитической дискуссии". Меня зовут Елена Черненко, я являюсь выпускницей Летней школы ПИР-Центра, что для меня большая честь, и огромная честь поздравить с праздником замечательный ПИР-Центр. Позвольте представить участников круглого стола. Один из них, к сожалению, отпал - это Вячеслав Алексеевич Никонов, который обещал быть, но не прибыл, поэтому с нами сегодня Федор Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике, Евгений Сатановский, президент Института Ближнего Востока, и Владимир Орлов, директор ПИР-Центра.

Тема, которая сегодня заявлена на круглый стол, мне кажется настолько естественной и самой разумеющейся, что даже, фактически, нечего обсуждать, на первый взгляд, что, действительно, независимые экспертные центры и СМИ должны играть огромную роль в формировании внешнеполитической дискуссии, внешней политики страны, однако, к сожалению, сегодня в России роль независимых экспертных центров, как и СМИ, как раз в этих сферах, как мне кажется, минимальна, если, фактически, не ощутима. Более того, ситуация становится хуже. Мне как журналисту ближе говорить о ситуации в СМИ, работая как раз в сфере международной журналистики, я чувствую, что качественных независимых площадок становится все меньше, у нас, скорее, идет такой процесс единообразия, все меньше разных, альтернативных точек зрения, меньше качественной подачи информации, больше, к сожалению, пропаганды. И вот ситуация (как раз хотелось с Вячеславом Алексеевичем это обсудить) ухудшается некоторыми законодательными инициативами нашей Государственной Думы, например, буквально на прошлой неделе был принят еще один закон, который ограничивает возможности независимых и качественных СМИ, это закон, который ограничивает возможность граждан других государств владеть СМИ, - это, например, напрямую повлияет на такие, как мне кажется, качественные независимые издания, как Ведомости и Forbes, которые тоже много пишут о внешней политике, особенно, в последнее время, в связи с украинским кризисом.

Между тем именно наличие таких вот альтернативных площадок, подающих информацию в ином ключе, чем государственные СМИ, не просто дает возможность читателю формировать свое мнение, не просто делает медиа среду более конкурентной, заставляя всех нас работать лучше, но, на мой взгляд, необходимо и для формирования внешней политики страны, поскольку это возможность для общества каким-то образом выразить свое мнение, как-то пытаться влиять (в идеале) на политику, в том числе и внешнюю, давать тот самый *feedback*, а также не давать тем, кто формирует эту политику, находиться в каком-то своем "иллюзорном мире", который сформирован властью же, и терять связь с реальностью. Поэтому, как мне кажется, независимые СМИ, которые, в том числе, освещают и внешнюю политику, очень нужны. Это, безусловно, относится и к независимым экспертам, и экспертным центрам, и, к сожалению, как мне кажется, со стороны здесь также в последнее время, особенно, в последний год или полгода тоже появляются негативные ограничительные тенденции. Я думаю, что коллеги расскажут об этом подробнее.

У меня два тезиса, которые я хотела бы выставить здесь на обсуждение. Первый - немного, наверное, идеалистический, о том, что, в принципе, в идеале наличие независимых экспертных центров и СМИ делает политику страны, в том числе и внешнюю политику, более эффективной. И второй тезис заключается в том, что Россия в этом плане движется совершенно не в том направлении, игнорируя эти возможности, эти источники информации, и, более того, ущемляя их права, ограничивая их без того невеликие возможности влиять на ту самую внешнюю политику и дискуссию. Это все, что я хотела сказать для начала, думаю, что мои коллеги добавят к этой тематике. Прошу, пожалуйста, Евгений Сатановский.

Евгений Сатановский – Ну у нас такая замечательная тема - независимые центры, экспертные СМИ в рамках государственной политики, и как они влияют. Проще всего было бы сказать "никак" и на этом закончить выступление. Поскольку какие-то иллюзии по поводу того, что это возможно; причем я говорю сейчас не о России, я говорю в целом о ситуации, потому что я неплохо знаю ситуацию в Соединенных Штатах [Америки], в Израиле, в Европе, и тяжелая деградация взаимоотношений экспертного сообщества и политического истеблишмента есть факт. В этом плане я ничуть не больше ставлю на президента Обаму, чем на президента Путина, с той только разницей, что в Министерстве иностранных дел Российской Федерации все-таки трудно подобрать столь талантливого дипломата, который олицетворял бы нашу внешнюю политику, как Джен Псаки, и в этом плане, безусловно, американская политика яркая и дает существенно больше возможностей для развития нашего чувства юмора.

Иллюзии по поводу того, что экспертное сообщество может на что-то влиять, во-первых, уничтожаются деньгами, что, особенно, понятно, когда мы говорим о конференции ПИР-Центра, который теперь является, насколько я понимаю, зарубежным агентом, что, возможно, частично объясняет отсутствие коллеги Никонова, которому никак нельзя приходить на конференцию, которую организуют зарубежные агенты, а то вдруг про него тоже подумают, что он зарубежный агент? И что ж теперь поделать? Ну, мудрая политика...

Я думаю при этом, что здесь выступаю, я могу себе позволить выступать ехидно, потому что дешевле всего быть президентом металлургической корпорации, в качестве развлечения держать институт и не быть ничьим агентом, потому что ты достаешь деньги из левого кармана и кладешь в правый. Не все президенты нефтяных или металлургических корпораций занимаются аналитикой, преподают студентам, и в этом плане я, конечно, зверь странный, но, к огромному сожалению, если вы занимаетесь тем, чем занимаетесь, - экспертизой - в качестве профессионала, вообще-то вам нужно еще и как-то кормить семью. И здесь вопрос: совершенно неважно, получаете ли вы деньги от международных грантов и попадаете в международные зарубежные агенты, как у нас, или вы получаете деньги от саудовского или катарского правительства и являетесь ими де-факто, как значительная часть самых уважаемых американских или европейских центром, при том что вас никто этим не обижает, но де-факто сегодня я могу сказать, что в огромной мере ближневосточная политика, я могу говорить только о ней, наших американских коллег олицетворяет поговорку о собаке, которая вертит хвост. То же самое касается Франции и Великобритании. Периодически это даже два хвоста, которые периодически там выются, сражаются друг с другом, поскольку, как известно, Доха не любит Эр-Рияд и Эр-Рияд не любит Доху, но, когда мы смотрим на целый ряд за несколько последних, пожалуй, полтора-два десятилетия событий, пытаюсь понять, зачем это Соединенным Штатам [Америки], ну, незачем. Зачем это Катару или Саудовской Аравии, объяснить хотя бы можно: та же самая ситуация с Ливией, ситуация с Сирией.

К огромному сожалению, это вовсе не значит, что наша собственная политика относительно экспертного сообщества намного разумней, особенно, с учетом всего того параноидального, что началось у нас, поскольку мы сейчас в разгаре холодной войны, кто не знает, у нас холодная война номер два, и дай бог, чтобы она осталась холодной. Я совершенно в этом не уверен, поскольку инстинкты у всех все-таки свои и, понимая, что вот опять ну не Вермахт, а Бундесвер приходит там на Украину третий раз за сто лет... Можно, конечно, рассказывать, как это все замечательно, но, откровенно говоря, память генетическая какая-то очень тяжелая. И лично мое нежное отношение к Германии здесь заканчивается не очень большим пониманием того, не придется ли опять брать Берлин, или, может, что-нибудь другое произойдет.

При этом сделать здесь ничего нельзя. Мы можем сколько угодно говорить, мы относимся к так называемым "болтающим классам", как их называют англичане. От того, что мы что-то говорим, вовсе не значит, что политическое руководство будет принимать решение, основанное на даже самых разумных рекомендациях. Решение оно будет предпринимать исходя из того, что у него есть инстинкт власти, исходя из того, что есть различные лоббистские группы, у которых есть различные интересы, в том числе финансовые, исходя из того, кто к кому опоздал на встречу или, кто кого любит или не любит. К огромному сожалению, все осталось - ничего не изменилось со времен достаточно давних.

И в этом плане чрезвычайно слабо верю в то, что мы можем повлиять каким-то образом на что бы то ни было, предпринимаемое с точки зрения властей. Но есть стратегия Института Ближнего Востока, могу опираться только на нее. Во-первых, это деньги, которые могут быть только собственные или моих партнеров и коллег, то есть это означает, что меня можно убить, но меня нельзя заставить сказать то, чего я не хочу, или написать. Убить можно. Легко. Второе - мы можем положить информацию. Что с ней сделают: положат ее в помойку - это совершенно не наше дело. Она доступна, она может быть у кого угодно. Ради бога, у премьер-министра этой страны, у руководства того или иного российского ведомства, у президента той страны, *et cetera, et cetera, et cetera*. Разумеется, у каждого есть свои симпатии или антипатии: я не очень верю в то, что все мои коллеги исключительно люди объективные и нейтральные - объективных и нейтральных людей вообще не существует - и поэтому в какую-то страну я информацию давать не буду, а в какую-то, наоборот, буду давать больше, чем в обычный доступ. Тем не менее, это так.

Дальше есть какой-то процент вероятности, который лично меня совсем не интересует, что этой информацией, может быть, воспользуется кто-нибудь из официоза. Да, с наших работ переписывают и пишут диссертации и книги - воруют как могут. Я этим глубоко удовлетворен, потому что это единственный способ, как вы можете довести информацию до какого-нибудь начальственного уха. Оно все равно придет только по его каналу. Ну и ради бога. Мы не очень ущемлены тем, что происходит.

А дальше вопрос только в том: ваша информация, ваши эксперты профессионалы или нет? Они стараются быть объективными или уходят в идеологию, чего мы все, честно говоря, не допускаем? И не более чем. И тогда есть какой-то шанс. Но никакие подписи вас в общественные советы, никакого включения вас ни в какие органы, никакое присутствие вас в некотором экспертном сообществе при каком-то высоком начальнике любого уровня не гарантирует, что завтра вы не пойдете на паперть. Извините, пожалуйста. К сожалению, то же самое я наблюдаю по

отношению и к нашим британским, французским, американским коллегам, потому что блистательные специалисты либо не очень близки к "руководящему уху", либо понимают, что у них есть пенсия, если они работают на государство, поэтому занимаются чем угодно, кроме тех вещей, которые могут нарушить гармонию их существования. Это очень печально, но это факт. Не более чем.

Елена Черненко - Мы договаривались, что у нас будет по сценарию злой полицейский и добрый полицейский, поэтому...

Евгений Сатановский - Это я был очень добрый. Я говорил очень добрые вещи... Не знаете, какой я был добрый...

Елена Черненко - Перед тем, как передать слово Федору [Лукиянову], позвольте прокомментировать тезис про Псаки. Я, так как постоянно мониторию деятельность госдепартамента, не соглашусь с тем, как ее представляют в российских государственных СМИ. На самом деле, как мне кажется, стоит выступить в ее защиту, потому что, действительно, не так просто ежедневно выступать перед собранием журналистов, которые в США куда более, скажем так, надоедливые и въедливые, чем здесь, и отвечать на все возможные вопросы. У нас, например, наше Министерство иностранных дел в таком вот формате с журналистами ежедневно не общается, но и там есть люди, которые вполне могут, как я думаю, в будущем выступить в такой роли. Вот буквально на этой неделе стало известно, что в топ-3 российских блогеров: на первом месте там Рамзан Кадыров, на втором не помню кто, а, по-моему, на третьем Мария Захарова - это заместитель Департамента информации и печати российского МИДа, так что есть и у нас "говорящие головы".

Евгений Сатановский - Я прошу прощения, все-таки нарушу этот праздник женской солидарности. Значит, кретинизм отдельно взятых чиновников российского МИДа меня не так волнует, потому что они не так часто возникают на экранах. Если бы они там возникали, вполне возможно, они говорили бы вещи, которые были бы достойны госпожи Псаки. Но в данном случае, когда речь идет про Соединенные Штаты [Америки], чьи интересы глобальны, и когда, если все-таки это политика, от которой зависит очень многое, в некоторых случаях все, потому что, правильна она или нет, но слон может поворачиваться в посудной лавке в любую сторону, посуде все равно не уцелеть.

Некоторые мои иллюзии по поводу того, что политика, как минимум, Соединенных Штатов [Америки], озвученная ответственным чиновником, исходя из моей личной любви к госдепартаменту, должна быть озвучена профессионально, некоторые личные знакомства за последние 25 лет с теми чиновниками, которые там, по крайней мере, были, заставляют меня

предполагать, что, ну, скажем, во времена Кондолизы Райс, с госпожи Псаки сняли бы скальп.

Елена Черненко - Федор Лукьянов.

Федор Лукьянов - То ли дело в старые добрые времена настоящей холодной войны каждое слово выверено, и сами представители советского мира и госдепартамента. Конечно, то, в какую вакханалию превратилась публичная дипломатия сегодня, - это отдельная тема. Кстати, говоря совершенно серьезно, на мой взгляд, это должно было быть темой исследования, как повлияло на дипломатию сверхдержав и великих держав появление вот этой коммуникационной среды, в которой ты должен все время что-то говорить, все время что-то вбрасывать через любые средства, повлияло, на мой взгляд, сокрушительно, но надо, наверное, более научно исследовать.

Я не знаю, ну, наверное, все-таки по сравнению с Евгением Яновичем, я все равно получусь более добрым полицейским, хотя Женя был добрый, но все-таки. Я хотел бы, ну, во-первых, трудно спорить с тем, что было уже сказано, когда говорят вот этот штамп "независимые центры исследовательские", конечно, первым делом возникает вопрос "независимы от кого?", потому что представляется, ну, само собой, что ли по контексту, что, как правило, имеется в виду "независимые от государства". Но это же не означает, что они при этом независимы от кого-либо еще. В этом смысле определение [это] немножко лукавое, и, действительно, практика, ну, в Америке сложнее система, в Америке очень много частных денег, которые участвуют в этом процессе, а, скажем, в Европе я сталкивался неоднократно с той сферой экспертизы исследовательских центров, которые занимались европейской интеграцией, найти (то есть) пальцами одной руки, причем не всеми, можно пересчитать те, которые при этом каким-то способом, прямым или косвенным, не содержатся Европейской комиссией. И соответственна их позиция, хотя они все называются независимыми, и позиция конечно, ну скажем так, развивает ту повестку, которую продвигает Европейская комиссия. Есть независимые, это те, которые, как правило, имеют частные пожертвования, но там вот, как справедливо заметил Женя, всегда проблемы с деньгами, потому что таких меценатов, которые готовы давать просто так, все меньше и меньше.

На мой взгляд, важность экспертного сообщества - всего, любого, независимого - того, которое существует вокруг нас, заключается не в том, что оно формирует политику или влияет на политику. К сожалению, тут тоже должен согласиться, что влияние, скорее, на словах, потому что любые уважающие себя государственные органы и наши теперь тоже, потому что это модно, считают необходимым все время ссылаться на мнение экспертного сообщества,

гражданского общества, действительно, везде созданы общественные советы или научные советы. Как правило, те многие, куда я попадал, при каких-то ведомствах, как правило, это, конечно, чистая формальность, то есть проводится заседание для того, чтобы провести, поставить галочку и отчитаться. Но, наверное, бывают какие-то другие случаи, я не знаю.

Важность, как мне кажется, экспертного сообщества, того, какое есть, не идеализируя и, наоборот, не снижая слишком глубоко, в том, что оно создает определенную среду, и в этой среде циркулируют, должны циркулировать разные идеи: от серьезных до экстравагантных и провокационных, но, учитывая, что мы живем в мире, где в се правила, нормы и какие-то привычные схемы рассыпаются, иногда выясняется, что традиционное ведомственное мышление все-таки по определению всегда инновационно, потому что любое ведомство - это структура, живущая на какой-то традиции своей. Так вот иногда нужно, чтобы хотя бы в публичной сфере звучала совершенно нестандартная точка зрения.

Опыт Соединенных Штатов [Америки], как мне кажется, очень важен. Не знаю, можно ли его воспроизвести в России - даже в Европе не совсем так. Там отлаженная система такого круговорота: человек, делающий достаточно на высоком уровне карьеру, перемещается по очереди, работает на госслужбе - в госдепартаменте или в администрации. Потом, когда меняется администрация, он уходит в какой-то уважаемый *think tank*, благо, в Америке их много, вице-президентом или ведущим научным сотрудником. Потом он может пойти в бизнес каким-то вице-президентом по не знаю, чему. А потом при очередной смене возвращается на госслужбу на более высокую, как правило, должность, и, безусловно, это очень хороший инструмент, который просто развивает кругозор у будущих или действующих чиновников, которые благодаря вот этой системе видят с разных сторон одну и ту же проблему. Конечно, проблема - совершенно объективное явление, в этом не виноватое, но проблема чиновников в том, что они смотрят исключительно с одной позиции.

Для того, чтобы это работало, нужны исследовательские центры, *think tanks*, даже не обязательно очень высококачественные, но очень уважаемые, потому что пойти куда попало, конечно, человек после госслужбы не может.

Вторая мысль, которую мне хотелось бы довести сегодня до всех нас, - это такая большая тема, мне кажется, это напрямую относится к роли независимых, зависимых - любых исследовательских структур. Это острая необходимость просветительской функции. Поскольку вообще везде понимание процессов падает в силу их сложности, в силу их неожиданности, но в России, мне кажется, мы стоим на грани просто настоящей катастрофы в этом смысле.

Когда начиналась, прости Господи, не к ночи будет упомянута «арабская весна», я в какой-то момент, глядя в наш телевизор, ужасно заскучал по всей той кошмарной тошнотворной догматике, которой нас кормили в советских вузах, под названием научный коммунизм, диалектический материализм, потому что, по сравнению с тем уровнем анализа, который у нас звучал от примерно 80% экспертов из телевизора, вот эта вот методология марксистская была невероятно продвинутой, потому что с ее помощью объяснить «арабскую весну» намного и гораздо проще и понятнее, и точнее, чем этой бесконечной конспирологической теорией, которой у нас заместили марксистско-ленинское мировоззрение и тем самым превратили любую дискуссию о внешней политике, с одной стороны, в очень увлекательное занятие, с другой стороны, совершенно бессмысленное, потому что, приходя к выводу, что все делается в мировом закулисье, дальше не совсем понятно, что с этим должно происходить. Вот этот вот уровень скатывания в какую-то архаику и мракобесие, которые мы наблюдаем в разных сферах нашей жизни, но, в частности, в публичной дискуссии по международным делам, на мой взгляд, просто опасно для государства. Дело не в том, что мне не нравится или еще кому-то не нравится, это опасно, потому что это не не влияет на внешнюю политику, это формирует среду, которая готова впитывать и одобрять любую внешнюю политику, чем бы она вообще, на самом деле, не руководствовалась. И мне кажется, что наша задача – всех – кто бы чем ни занимался в этой сфере, международной безопасности, сейчас самое главное – это не пытаться влиять на власть, а пытаться формировать общественное, какое-то, ну хотя бы примерно профессиональное отношение, потому что вопрос не в позиции, у нас, кроме всего прочего, дискуссия, к сожалению, свелась к примитивной черно-белой: ты за тех или ты за этих. Между тем, можно быть и за тех, и за этих, но при этом, будучи профессионалом, трезво оценивать и то, и другое. У нас сейчас, по-моему, эмоционально-идеологическое отношение доминирует, что ничего хорошего не несет, действительно.

И как ни странно, хотя, действительно, повлиять на власть эксперты едва ли могут, опять же это не только нас касается, но в этой самой глобальной коммуникационной среде общественное мнение, какие-то общественные течения все-таки влияют на ту власть, которая вроде бы как от них совершенно не зависит, поэтому, на мой взгляд, на этом сейчас сосредоточиваться тем людям, которые считают себя достаточно квалифицированными, чтобы что-то кому-то объяснять.

Третий момент, зачем нужны исследовательские центры, именно что независимые и имеющие репутацию таковых, в тех условиях, в которых мы сейчас оказались, и, судя по всему, они будут тоже усугубляться, необходимы устойчивые, которые выдерживают этот шторм, платформы для международного диалога. Международный диалог скукоживается: отчасти нет желания, отчасти нет возможности, потому что многие диалоги превращаются в обмен воплями и

обвинениями. Тем важнее те точки, центры... ПИР-Центр в данном случае мог бы быть просто флагманом, потому что этим занимается много лет. Спокойного и делового осуждения, причем не с целью о чем-либо договориться, к сожалению, мы сейчас пришли к ситуации, когда задача договорить вообще не ставится. Есть задача минимизировать ущерб происходящего, и с этой задачей можно попробовать как-то справиться.

И последнее, что, мне кажется, очень важно, к сожалению, это весьма неутешительно и для нас здесь в России, и вообще в мире, и в интеллектуальной прослойке, которая представлена в мире. Мир меняется в сторону гораздо меньшей свободы. Как ни странно, может это показаться, вроде бы в разгул информационной открытости невозможность отгородиться, но невозможность не абсолютная. И, как мне кажется, все государства любого характера устройства: и недемократические, и полудемократические, и демократические – все сталкиваются с крайне агрессивной внешней средой во всех проявлениях, не в смысле, что кто-то вмешивается конкретно в их внутренние дела – это само собой бывает, но вообще эта среда – хаотическая и очень активная, трансграничная – давит на всех, будь то огромная страна Соединенные Штаты [Америки] и мелкие страны, которые вот-вот утонут от потепления в океане, - все они сталкиваются с этими огромными вызовами и пытаются обороняться, пытаются защищать себя. И это неизбежно ведет к тому, что вот эта оборона может быть или коллективной, или индивидуальной. Поскольку с коллективной обороной, иными словами, совместного обсуждения реакции на внешние вызовы, что-то совсем не получается, я думаю, что государства будут обороняться каждый за себя. А это, безусловно, не очень благоприятная среда.

Елена Черненко – Спасибо большое. Владимир Орлов, глава ПИР-Центра, который вот Федор говорил о целом ряде функций, которые есть у независимых и зависимых экспертных центров, в том числе функция просвещения, с которой ПИР-Центр блестяще справляется, в том числе в рамках, например, Летней школы, и также все-таки есть, насколько я понимаю, и роль консультирования или взаимодействия с госорганами, с тем же Министерством иностранных дел, с Министерством обороны. Вот вопрос насколько получалось ли как-то что-то где-то повлиять, изменить, или хотя бы добиться каких-то результатов, которые просто были бы удовлетворением для себя?

Владимир Орлов – Спасибо. На самом деле, я рад, что состоялся этот разговор, и происходит он на супер важную и актуальную тему. Я немножечко бы вот здесь иначе выстроил разговор. Я для себя нарисовал три сценария - три сценария для экспертных центров, ну или, как хотите, "фабрик мысли" - это может быть слишком комплиментарно, но в общем для экспертных центров в России. Сценарий "А" называется "Востребованность", сценарий "В" называется

"Востребованность В", и сценарий "С" называется "Прочее". Я бы сказал, что мы сейчас находимся в ситуации, когда все три сценария возможны, поэтому, если кто-то ожидал от меня услышать какие-то мрачно-пессимистичные вещи, я к ним не готов, но, другое дело, я думаю, что между этими тремя сценариями шансы примерно поровну распределяются.

Вот это вот сценарий первый, или "Востребованность А". Это тот сюжет, когда государство, понимая, что ему нужна экспертиза, берет ее из двух, условно говоря, котлов: один котел – это *governmental* и *non-governmental organizations*, то есть это созданные государством структуры, даже если они имеют формально независимый характер, и второй котел – это реально негосударственные центры и экспертные организации.

Я бы сказал, что здесь не так все жутко и плохо, как могло бы показаться, потому что одна опора как бы здесь уже создана или вот один элемент, а именно, это элементы общественной, или народной дипломатии, которые подпитываются через такие структуры, как «Русский мир», собственно, поэтому я Славу Никонова и хотел увидеть здесь по этой причине, [и] Фонд Горчакова. Но проблема в том, что вторая опора, а именно, исследования прикладные, конкретные экспертизы ..., создана достаточно слабо и, безусловно, несистемно. В этом отношении, многие коллеги знают, почитали, это есть в последнем номере журнала *Индекс Безопасности*, есть то предложение, с которым Евгений Петрович Бужинский и я выступили о создании Фонда поддержки внешнеполитических исследований и разработок. Вот мы получили хорошие письма, в частности, Константина Иосифовича Косачева и так далее ..., но как бы здесь такая работа пока не проведена, надо признать это прямо.

«Сценарий В», вот эта «востребованность В» - другой вариант востребованности экспертных структур. По этому сценарию, здесь это совпадает, наверное, с той оценкой, которую говорили Женя и Федор. Сейчас времена холодные, времена «Второй холодной войны», и в этом отношении места для негосударственных организаций, для реально негосударственных организаций, просто нет. Они как бы не должны быть востребованы в эти времена. И здесь, действительно, идет калька сюжета «Первой холодной войны», где, в общем-то, была выстроена система работы, в том числе с вероятным противником, на совместном экспертном уровне. Роль того же ИСКРАНа образца семидесятых может выполнять РСМД, роль ИМЭМО может выполнять ИМЭМО, собственно, это уже создано. Некое Политбюро будет решать, кого направлять, командировать за границу, с какой заявочной позицией, с какой второй позицией, и, в общем, может быть, эффективность дискуссии от этого может и не так уж сильно и пострадает, но какие-то люди из международного отдела нынешнего ЦК КПСС, пойдут работать только не в Известия, а в издательский дом Коммерсант, если

будет продолжать существовать. Поэтому, в общем, вот такой сценарий тоже подразумевает востребованность, такие фабрики мысли есть, в значительной степени они демонстрируют свою эффективность – не везде оно так. С точки зрения конкуренции между государством и не государством, здесь сюжета нет, потому что оно просто отпадает, и государство решает задачу вот таким образом – сценарий вполне, естественно, вероятный.

И сценарий последний, который я называю скорее «А нужны ли эксперты?» Это более радикальный сюжет. Может быть, он немножечко отходит к изначальному тезису Жени Сатановского о том, насколько вообще возможно здесь какое-то взаимодействие, да и нужно ли оно. Вот здесь я, чем рисовать этот сценарий, кому-то может показаться умозрительной, кому-то практичной, я просто, как зарисовку этого сценария процитирую Джона Лекаре, который в Русском доме в свое время хорошо обозначил: «Не терплю экспертов! Они наши тюремщики. Никого в жизни я не презираю, как экспертов. Эксперты – наркоманы. Они ничего не решают. Они слуги нанявшей их системы. Они продлевают ее существование. Когда нас будут пытаться, то пытаться нас будут эксперты. Когда нас будут вешать, то вешать нас будут эксперты. Когда мир будет уничтожен, то уничтожат его не сумасшедшие, а здравый смысл экспертов и супер невежество бюрократов». Спасибо.

Елена Черненко – Хорошо, что Лекаре про журналистов ничего не писал. Тут Евгений Янович просил прокомментировать.

Евгений Сатановский – Маленькая реплика на тему оптимизма в отношении замены частных негосударственных фондов на ИМЭМО и прочие возвращения в старую добрую эпоху. Нельзя дважды войти в одно и то же русло. На сегодняшний момент, надо отдавать себе в этом отчет, мы живем, я говорю сейчас о Российской Федерации, я живу в ней, в некоторую эпоху продолжающегося распада, где выделяется некоторая новая проекция. Все, что существует в стране, подвергается к простому и эффективному процессу распила и раздела. Мы довольно часто обсуждаем это в «Русском клубе» - это около Академии наук. Поскольку у вас есть некоторое имущество – здания, сооружения – то без тех странных людей, которые его занимают, оно существует более эффективно с точки зрения получения прибыли. Это если говорить об институтах Академии наук, университетах и о всем остальном. Именно поэтому сегодняшняя реформа образования, от школьного до университетского, включающая ликвидацию Академии наук как таковой, а также аспирантуры, имеет под своей задачей единственное и эффективное менеджерское выбивание из нее прибыли, что несовместимо с поддержанием достаточно высокого уровня и какого бы то ни было экспертизы. Да, разумеется, определенные, даже очень большие деньги на определенные отрасли выделяются и выделяться будут. Какой процент этих

денег пойдет на профессионалов, а какой будет ...отдельная тема по каждой отдельно взятой отрасли, но в отношении экспертов, которые, как минимум, носителей политических или политологических и прочих вещей, которые все-таки не инженеры, и от них не требуется ни создание, ни поддержание определенного уровня военного потенциала. Ну вот инженеры человеческих душ – место, которое на английском называется *garbage*. С точки зрения любого профессионала, который смотрит на этих странных людей, – достаточно посмотреть на кадровый состав так называемого ФАМО – после этого говорить о том, что будет какая-то государственная система, которая заменит что-то, что удалось собрать, соорудить заново, даже не смешно. Здесь, к огромному сожалению, этот бобик уже сдох. Видимо, его не удастся никаким образом оживить – это уже чучелко, в него вставили глазки, носик, то один министр, то другой. То, что еще можно было сохранить, не исключено, еще при Фурсенко, при Ливанове окончательно похоронено. Ливанов – ректор моего вуза, худший, правда, за его историю, и, как он работает, я хорошо знаю. Уж извините, здесь не спасти. ... Этот оптимизм мне представляется, к сожалению, неуместным. И здесь некоторая функция которая была у ирландских монахов после Римской империи, господа эксперты могут хотя бы сохранить чего-нибудь и кому-нибудь это передать. Умение проводить экспертизу, некоторое знание, чем, собственно, опять же мы в моем институте занимаемся: вот под три сотни книжек издали с 95-го года, школу сохранили, некоторые направления даже отстроили, и хорошо. Это тысяча аналитических заметок в год выпускается, и замечательно. Лет через десять, когда мы с моим директором помрем или уйдем от дел, или раньше, если деньги кончатся, этого не будет. Но этот кусочек знаний останется. Не исключено, какое-то следующее поколение сможет это использовать, когда и если это будет нужно, не более чем.

Елена Черненко – На этой оптимистичной ноте у нас есть еще есть время на вопросы и комментарии. Дискуссия была оживленная. В зале много как экспертов - независимых, зависимых – так и журналистов. Есть ли у кого-либо вопросы или желание высказаться? Вот Константин. Прошу представиться.

Константин Эггерт - Константин Эггерт. Я тоже каким-то образом отношусь к ПИР-Центру. У меня есть и комментарий, и вопрос к Федору Лукьянову. Я по-своему согласен с каждым из выступавших. Ситуация очень плохая, знаете, уже если говорить об ИМЭМО, о всех этих, так сказать, мамонтах и динозаврах советской эпохи, сейчас достаточно взять и почитать, например, уже имеющиеся в открытом доступе протоколы заседания Политбюро по принятию решения о вводе или не вводе войск в Афганистан, ну мы знаем, конечно, оно было принято, но, если смотришь на уровень дискуссии, то ты понимаешь, что там все-таки какая-то мысль билась в этих научных центрах, каким-то образом фильтровалась вверх, даже в этот ареопаг Советского Союза, чего сейчас, по-моему, не

происходит, я не очень уверен, присутствуют ли здесь сотрудники МИДа, у меня нет твердой уверенности в том, что Министерство влияет на внешнюю политику, поэтому про экспертные центры о чем тут говорить? Я, кстати, не вижу проблемы в наличии экспертных центров, которые независимы от государства, но зависимы от кого-то еще, но это как с масс медиа. Не обязательно, чтобы всеми газетами владело государство, или всеми веб-сайтами. Очень хорошо, если ими будут владеть Усманов, Алекперов и кто-то еще, и их будет много, и это создает ту полифонию, которая необходима. Деньги-то, понятно, откуда-то должны браться. Мне кажется, здесь одна из главных проблем это то, что российские бизнес структуры не заинтересованы в существовании таких центров, ну, кроме Сатановского, мы знаем, ...

Евгений Сатановский – Иначе их закроют просто...

Константин Эггерт – Ну да, я понимаю, что их закроют...

Евгений Сатановский – Вместе с начальниками их закроют.

Константин Эггерт – Да, их закроют вместе с начальниками. Поэтому ясно, что никакой самый супер богатый олигарх не будет давать деньги на какой-то исследовательский центр, который может написать какую-то бумагу, которая не понравится администрации. Тут тоже я вижу тупик. Я хотел бы обратить свой вопрос к Федору Лукьянову. В этой ситуации, в значительной части присутствующие регулярно выступаем в этих ток-шоу, где конспирология давно уже подменила анализ, но эта конспирология, которая транслируется государственными телеканалами, стала уже национальной идеологией по сути. Мы знаем, если в Антарктиде умер пингвин, то это потому, что американцы хотели пробурить скважину и узнать, есть ли там нефть.

Вопрос вот какой. Федор, вы говорите о просвещении. А где платформы для этого просвещения, модное слово «платформы» сейчас. Где она? Ну, с одной стороны, есть *Первый канал*, который охватывает все, а с другой стороны, вы хотите просветить: вы выпустите книжку ну на 2000 – 3000 экземпляров, ну и что из этого будет? В чем должна состоять суть этого просвещения? Где оно должно происходить? Это искренний вопрос, это не попытка подвергнуть сомнению. Эта идея правильная, детоксикация мозгов должна происходить, но это очень сложный процесс. И это такой почти подвиг. Спасибо.

Федор Лукьянов – Ну, тут очевидно, что говорит русский народ: «Плетью обуха не прошибешь». Конечно, *Первый канал*, либо другой канал общенационального покрытия, имеет несопоставимые возможности с кем-либо еще. Кстати, по поводу хождения на ток-шоу, где конспирология присутствует, я, например, в

какой-то момент перестал это делать, потому что это не имеет никакого смысла. Своим присутствием ты исключительно легитимируешь весь этот дискурс и все. На мой взгляд, здесь можно работать, как совершенно справедливо Женя сказал, работать на принципе «капля, которая точит камень» и на такую перспективу. У нас в Совете по внешней и оборонной политике мы полтора года назад запустили проект лектория ежемесячного в культурном центре ЗИЛ, и запускали мы это на авось, я был, честно говоря, уверен, что это все продержится пару месяцев и содохнет, потому что никто ходить не будет, в пятницу вечером на два часа приходиться и слушать какую-то нудятину про международные дела. Я был удивлен позитивно тем, что люди ходят. Ходят люди разные, но, в основном, молодые. Средняя посещаемость 100 человек каждый раз, бывает больше, когда какая-то более живая тема. И интерес очень большой. Это показывает, что даже те люди, которые смотрят этот телевизор, или читают эти газеты и интернет, где-то у них шевелится мысль в головах. Поэтому тут, мне кажется, такая вот просветительская работа должна не прерываться, а потом, ведь мы же в России тоже, и мы живем уже, в основном, довольно давно, а уж до нас поколения жили. Пройдет этот цикл, наступит следующий цикл. Наступит, не приведи Господи, новая перестройка, и мы все оказываемся опять на исходной. Главное, что, действительно, эта ниточка сохранилась.

Елена Черненко - Есть ли еще вопросы, комментарии? Пожалуйста... Представьтесь, пожалуйста.

Юрий Надточей - Надточей Юрий, Московский гуманитарный университет, сотрудник ПИР-Центра, выпускник программ ПИР-Центра. У меня вопрос ко всем участникам дискуссии, собственно, касаясь постановки вопроса. А действительно ли мы вот можем говорить о том, что формирование вот этой социальной среды, на которую экспертное сообщество могло бы воздействовать, готово к тому, чтобы сформироваться в нужном для экспертной среды направлении, с учетом того, что сейчас массовое сознание настолько экзальтировано, выработало себе настолько прочный и мощный иммунитет для альтернативной точки зрения, что в данном случае это будет некая попытка плыть против течения, традиционного течения? А если же говорить о том, что все-таки просвещение с помощью качественной экспертизы могло бы быть адресовано не широким массам, не аудитории Первого канала, а более узкой все-таки прослойке интеллигенции, то давайте, может быть, посмотрим просто чисто с гуманистической точки зрения: а не сделаем ли мы этих людей, действительно, несчастными? Потому что вот получится такая ситуация, что вот эта узкая группа интеллигенции станет заложниками толпы хунвейбинов, которые могут надеть на них знаменитые колпаки. И могут некоторые вещи быть опасны с какой-то точки зрения. Спасибо.

Евгений Сатановский – Каждый сам кузнецик своего счастья. Есть такая старая испанская поговорка: «Делай, что должен, а будь, что будет». А что касается того, сделаете Вы кого-то несчастным или нет, самый счастливый человек на свете – это клинический идиот, который сидит в сумасшедшем доме в своих памперсах, и ему тепло. И он чрезвычайно счастлив... Многие знания дают многие печали. Это вообще-то не время нынешнее сказало. Делая человека образованным, умным, разбирающимся в том, что происходит вокруг, вы по определению делаете его несчастным. Он же будет разочарован во всем. А так он будет строем ходить, как по Бертольду Брехту, и будет счастлив, будет бить в барабан. Поэтому вы уж выбирайте: или да, или нет; или уходите в частную жизнь бабочек коллекционировать, или рассказываете, что в мире происходит с той степенью объективности, с которой можете. А дальше - что будет, то и будет. Вот видите, как. Только так цивилизации, собственно говоря, и сохраняют себя, а иначе это никогда не было ни в какие эпохи, ни в каких народах, ни в каких странах.

Федор Лукьянов – Меня немножко «резанула» Ваша формулировка «формировать в нужном для экспертной среды направлении». Знаете, вот это как раз государство и какие-то там другие силы, которые имеют определенные задачи воздействия, вот они и занимаются формированием в нужном для них направлении. Эксперты-то по идее должны другим заниматься, а не объяснять, что означает то или иное направление, в котором движется общество, государство и так далее. Поэтому, действительно, можно строить иллюзии долго-долго, любого рода. Я, кстати говоря, хотел подчеркнуть, что ведь, когда мы говорим о деградации, мы имеем в виду не только государственную политику. У меня до такой степени вянут уши от многих комментариев людей антигосударственной направленности, оппозиционной, что иной раз тошнит еще больше, к сожалению, это абсолютно обоюдный процесс... Но иллюзии же рано или поздно лопаются – вот тогда становятся, действительно, многие несчастны, гораздо больше, чем, если бы они знали об этих иллюзиях заранее.

Елена Черненко – У нас есть время на еще один вопрос, вот здесь я вижу поднятую руку.

Виктор Муругов – Виктор Муругов, Центр международного ядерного образования. Когда нас, студентов, секретам в университете, наш профессор Леонид Алексеевич Федоров, который закладывал основы нашей ядерной энергетики, говорил в конце: "Все это прекрасно, эти технологии не для вашего поколения. Я вообще не знаю, зачем ее породил". Когда я работал в МАГАТЭ, мы пришли к выводу, и в ООН есть такая Energy Assessment Report, рассматривая перспективы ядерной энергетики и пришли к выводу, что вопросы безопасности, отходов, экономики - это дело времени и людей, и здесь сложилась такая ситуация, на которую мы не можем ответить, и не знаем, как решить вопрос

нераспространения. Потому что у нас нет инструмента остановить страну, которая приняла решение выйти из ДНЯО и создать оружие. Не случайно в 2010 году саммит принял резолюцию, 40 стран, по-моему, и если [есть] надежда решить проблему нераспространения, это образование и просвещение. Вот сколько мы будем просвещать и образовывать человечество, имея в руках эту глобальную технологию? Эта технология родилась глобально, она выхолит за рамки всех других технологий, и любая страна, которая ею овладеет, также, как и Северная Корея, может водить весь мир за нос, и у нас нет механизма ее остановить. И не получается ли так, что мы создали технологию, у нас в руках вместо палки дубина ядерная, а менталитет у нас дохристовского периода? И кого мы будем учить?

Евгений Сатановский - Вот именно здесь я и скажу свою классическую фразу, которую от меня ожидали еще в начале: "Мы все умрем все равно". Значит, страшилками мы все равно ничего уже не изменим. Исходя из этого, надо относиться к ситуации спокойно. Ощущение того, что каждая очередная технология, которой мы овладеем, приведет нас к абсолютному оружию, луки, стрелы, и все - конец человечеству. В 20-е годы были замечательные работы по поводу того, что когда автомобили начнут набирать скорость 20-30 км/ч, массовым производством грозит человечеству уничтожение, потому что массовый психоз неизбежен. По-моему, сегодня, если эти машины будут идти, действительно, со скоростью 30 км/ч, люди просто озвереют. Понимаете, я боюсь, что мы стоим, я говорю об этом честно, почему я и стараюсь не принимать участие в разговорах по поводу ядерного нераспространения, потому что это примерно то же самое, что дискуссия о вечной жизни. Да, мы стоим на пороге распространения. Режим нераспространения, с моей точки зрения, дышит на ладан и умрет сегодня. Более того, режим нераспространения, как он, с моей, сторонней точки зрения, не участника этого процесса, видится, эти зоны безъядерные на Ближнем Востоке. Ну хорошо, есть интересы разоружить Израиль. Черта с два, сегодня это кому-нибудь удастся. То есть там еще не до конца сошли с ума население и руководство.

Есть идея, что Иран в ходе своих много-многолетних переговоров вот возьмет и почему-то все-таки не будет разрабатывать ядерные технологии. Вот просто Иран, наблюдая за всем, что происходит в Ливии, Сирии, где угодно, вот ... тоже сошел с ума, и не понимает, что единственная гарантия, что вас не тронут, это то самое, пусть даже на уровне Северной Кореи, но изделие. И тут тоже порядок. Ну, значит, будет через пару десятков лет из примерно 40 стран, которые могут технологически сделать это, два-два с половиной десятка тех, у кого она будет тоже. И снизится порог применения ядерного оружия.

Когда-то нас учили, что есть не только баллистические ракеты, чтобы мы с американцами перебрасывались там этими шариками, а вот есть стратегическое, а есть тактическое оружие, мины, снаряды гаубичные, ну хорошо, нас зачем-то этому на военной кафедре учили. Значит, да, это чертова технология может иметь жизнь.

Я вас уверяю, Казахстану уже все равно, после того, как построили Семипалатинский полигон, вам уже ядерной войны можно не бояться. У вас уже все, что может быть заражено, уже заражено. У вас уже все количество населения, которое получило свою дозу облучения, оно его уже получило. И, когда все это расчистится, может, никогда, а, может быть, уж точно в какие-то незапамятные времена, но когда-то человечество не имело автоматического оружия, когда-то оно не имело подлодок, когда-то не имело авиации, танков и всего остального. Но хорошо, каждая война имеет некоторые следующие, следующий, следующий уровень. Я совершенно не исключаю, что наши с вами внуки будут вспоминать о добрых славных временах, когда была всего атомная бомба, и как тогда было хорошо и безопасно. Поэтому человечество ведь оптимистично, пока оно еще существует. Нет никакого смысла нарушать эту традицию. Будем живы, не помрем. Помрем, ну что теперь поделать?

Елена Черненко - Есть еще у кого-то острое желание задать вопрос или прокомментировать? Тогда здесь собрались высокообразованные люди, значит, по теории Евгения Яновича, глубоко несчастные.